

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

И. В. Дьяконов, В. В. Рыбаков

JANUA LINGUARUM RESERATA («ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ К ЯЗЫКАМ»)

Я. А. Коменского

[Яромир Червенка. Предисловие к критическому изданию учебника Коменского *Janua*, выпущенному в Праге в 1959 г.]¹

(начало)

Давно признано, что изучение творческого наследия основателя современной педагогической науки Я. А. Коменского — задача первоочередной важности. Наибольших успехов в этой области достигли чешские и немецкие учёные, так что ознакомить русского читателя с их работами крайне полезно. Учебник для школ под названием «Дверь к языкам», которому посвящена публикуемая здесь статья чешского филолога-классика, историка философии и комениолога Яромира Червенки (1903–1983), был впервые напечатан Коменским в 1632 году, после чего выдержал немало переизданий. Однако в России он почти не известен, по крайней мере, он известен гораздо менее, чем трактаты Коменского и его иллюстрированный учебник «Чувственный мир в картинках» (1658). Настоящая публикация ставит своей целью восполнить этот пробел и ввести русскоязычного читателя в проблематику, связанную с *Janua* Коменского.

Ключевые слова: «Открытая дверь к языкам»; учебники для школы; Я. А. Коменский; комениология; философия Нового времени.

I. V. Dyakonov, V. V. Rybakov

JANUA LINGUARUM RESERATA (“An OPEN DOOR TO LANGUAGES”) J. A. Comenius

[Jaromir Cervenka. Preface to the critical edition of the textbook Comenius *Janua*, issued in Prague in 1959]

It is a given fact that such a subject, as Comenius' studies (Comenius being a founder of contemporary didactics) are of a great importance for any seri-

¹ Пер. с лат. И. В. Дьяконова под ред. В. В. Рыбакова. Редактура перевода выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017-2019 годы (№ 27.8089.2017/БЧ) «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

ous scholar of the history of pedagogical science. The outmost progress of this discipline in the Czech Republic and Germany makes it necessary to inform a Russian reader on the works and results by the researchers from those countries. School textbook *An Open Door to Languages* (original Latin title: *Janua linguarum reserata*, first printed in 1632, then often reprinted) is far from being well-known in Russia, although it represents one of the most important masterpieces of Comenius practical pedagogy. Czech classical philologist and a historian of philosophy Jaromír Červenka (1903–1983) was an important comeniologist of the XXth century, so his preface to the critical edition of Comenius' *Janua* (which is published in Russian translation) includes a lot of important facts concerning the history of this textbook and philosophical influences on it from various sides. This translation is meant as filling the gap in knowledge on Comenius' *Janua* in Russian historical-pedagogical tradition.

Keywords: *Janua linguarum reserata*; school textbooks; John Amos Comenius; comeniological studies; a philosophy of the Modern Times.

I.

Хотя Коменский написал множество книг, из которых некоторые вызывали у ученых мужей восторг, заслуживали их одобрение и были удостоены самой высокой оценки, все же на первое место среди всех этих книг следует поставить именно «Открытую дверь к языкам» (*Janua Linguarum Reserata*). Ведь едва только она вышла из-под печатного станка Лешненской типографии в марте 1631 г., как ее тут же с редким восторгом и страстью приветствовали почти во всех странах Европы, и она принесла своему автору неожиданную славу, поставив этого мужа, до тех пор неизвестного и жившего в изгнании в Лешно, в один ряд с самыми знаменитыми авторами того времени. Не прошло и года, как новое издание, подготов-

ленное Иоанном Анкораном и снабженное английским и французским переводом, увидело свет в Лондоне, а за ним в течение нескольких лет последовало огромное множество других изданий, вышедших в разных городах чуть ли не во всех странах Европы, и сочинение было переведено на разные языки, причем не только на европейские, но и на некоторые восточные¹. В предисловии к «Открытой двери», изданной в 1666 г. в Амстердаме наследниками Иоанна Зейделя², Коменский, вспоминая историю книги, не без гордости говорит: «...едва прошел год, как появилось (помимо нашего латино-чешского издания) несколько разных изданий (латинско-польское Андреаса Венгерсциуса, латино-немецкое Иоанна Мохингера, латино-англо-французское Иоанна

¹ *Methodus linguarum novissima* VIII. 22 – *Opera didactica omnia*. Amsterdami 1657. II. p. 83.

² I. A. Comenii *Ianua linguarum reserata, pro compendiose lingua Latina cum rebus docenda, Belgica versione a Iohanne Seidelio ornata, nunc autem ab illius heredibus edita*. (Amsterdami) anno 1666.

Анкорана). После латино-франко-итальянского издания Натаниэля Дюэза и трудов других ученых мужей к ним прибавились венгерский, шведский и, наконец (в 1661 г.), испанский переводы. Греческий перевод издал Захария Шнейдер в Лейпциге и тут же — в изысканном аттическом стиле — Симоний в Амстердаме. Арабский перевод выполнил некий нидерландец, живший в Алеппо в Азии; увидев у него этот перевод, его пожелали пересказать своим народам на своем языке турки, персы, монголы и, как я слышал, армяне, а ныне и абиссинцы в Африке». Но и после смерти Коменского слава «Открытой двери к языкам» не померкла; ее столь же высоко ценили и переиздавали. Вновь и вновь выходили в свет новые издания, и число их удивительным образом росло из года в год. В перечне трудов Коменского у Игнатия (Ченек) Зибрта¹ приведено более 200 заглавий этого сочинения; этот перечень (к сожалению, не вполне точный и свободный от ошибок) все еще не охватывает и не исчерпывает всего того изобилия, если можно так выразиться, версий «Открытой двери», и это весьма ясно свидетельствует о том, что «Открытая дверь» Коменского занимает первое место среди самых известных и знаменитых книг его времени. Рассмотрим же, почему и каким образом так вышло, что столь малое

сочинение, в первоначальной своей версии отнюдь не роскошно изданное и не дорогое по цене, но состоявшее всего из сотни страниц маленького формата, овладело умами столь многих людей, чьи заботы были направлены на обучение молодежи.

Уже в начале XVII в. многие ученые мужи, чьи имена, — по крайней мере, некоторых из них — Коменский упоминает в предисловии к первому изданию «Открытой двери»², сетовали на метод обучения латинскому языку, который сперва заставлял учеников учить правила грамматики, затем предписывал зубрить слова без понимания того, что они означают, а потом давал в руки ученикам, хотя те и не были подготовлены к чтению сплошных текстов, латинских авторов, — и призывали оставить общепринятый до тех времен путь, как путь чересчур длинный и горестный. Ведь в школах того времени более десяти лет отводили на изучение одного лишь латинского языка, а результат был незначительным и не стоящим затраченных усилий. «Маркитанты, слуги и мастеровые разного рода, — говорит Коменский, подвергая этот старый метод обучения разбору и строгой критике³, — выучивают, занимаясь приготовлением пищи, военным делом и прочей черной работой, любой язык, отличающийся от их родного, мало того, два или три языка — с большей

¹ Č. Zíbrt. Bibliografie české historie. Praha 1915. V. p. 408–439, 373.

² ODO I. p. 250 sq.

³ Didact. XI. 11 (ODO I. p. 50n). — Такое же суждение и в «Дидактике», написанной по-чешски в 1628–1632 гг., XI. 5. Veškeré spisy J.A. Komenského. Brno 1913. IV. p. 136.

легкостью, чем воспитанники школ осваивают один латинский язык — в спокойной обстановке и не отвлекаясь на посторонние дела. И со скольким разным успехом! Первые спустя несколько месяцев свободно болтают на нем, а вторые — после пятнадцати или двадцати лет, и то по большей части при помощи своих пособий — грамматик и словарей, могут кое-что произнести по-латыни, да и то не без запинки и заикания. От чего еще происходит такая пагубная трата времени и сил, если не от дурного метода?». А вспоминая после длительного промежутка времени об утраченных годах своей юности, он говорит с грустью и печалью: «Ах, сколько раз после того, как мне было дано увидеть лучшее, воспоминание об утраченной юности исторгало у меня из груди стоны, из глаз слезы, а в сердце порождало боль! Ах, сколько раз эта боль заставляла меня восклицать: О если бы Юпитер вернул мне утраченные годы!»¹. Что удивительного в том, что и тогда было много ученых мужей, которые не только сетовали на тот неправильный метод обучения, но и пытались открыть более легкий и простой путь к изучению латинского языка? Имена многих из них Коменский приводит в главе 8 «Новейшего метода изучения языков», разбирая их мнения и предложения, касающиеся улучшения преподавания латыни, — но судьба им не благоволила. Это дело увлекло и Коменского, который поз-

нал в юности всю тяжесть прежнего метода обучения, а когда вернулся из Гейдельберга и стал учителем латинского языка в Пршеровской школе, изо всех сил старался придумать для своих учеников более короткий и приятный путь в храм латыни через скалы и обрывы; свидетельством этих усилий является не дошедшее до наших дней сочинение, которое называлось «Правила более легкой грамматики»². Но спустя малое время превратности судьбы отвлекли его от столь успешно начатого труда, хотя и не отвратили окончательно. После стольких опасностей, когда он, оказавшись в изгнании в Лешно, обрел, наконец, покой и безопасность и начал преподавать в Лешненской гимназии, он с новым пылом взялся за прерванные из-за невзгод занятия.

Теперь Коменский приступил к работе, за которую взялся, уже хорошо подготовленным. Образованный и многоопытный муж зрелого возраста, который не отказался от науки из-за невзгод и написал значимые книги, он стремился к большему — а не просто к тому, чтобы увеличить число книг, посвященных изучению латинского языка. Он задумал нечто новое, совершенно новый метод обучения, при помощи которого, как он полагал, можно будет преодолеть все трудности, которые все еще стояли на пути. Погруженный в занятия наукой не меньше, чем в исследование мира и приобретение опыта, весьма сведу-

¹ Didact. XI. 13 – ODO I. p. 51.

² Ср.: ODO I. p. 3.

щий в философии, которая, как мы покажем ниже, придала его сочинению форму и образ, он сосредоточился на целостном искусстве обучения, заложил основы той «Дидактики», которую в 1628 г. начал писать по-чешски, — позднее она, переведенная на латынь и дополненная во многих местах, была впервые опубликована в сборнике всех дидактических трудов в 1657 г., — и в 1632 г. довел ее до конца. Философия дала ему основу познания и научила тому, что сущность вещей заключается не в частях, а в целом, и по этой причине ее нужно рассматривать не разделенной на части, но целиком, так как без познания совокупности всего целого части понять невозможно. Он постановил следовать этому принципу также в искусстве обучения и в не меньшей степени в способе обучения языкам — части искусства обучения. Поэтому фразы в процессе обучения не следует разбивать на отдельные слова, так как фраза представляет собой целое, а слова — лишь его части, и «тот, кто надеется произнести речь из одних разрозненных слов, подобен тому, кто надеется связать песчинки в снопы или возвести стену из щебня без извести»¹, так что нельзя отделять слова

от вещей, которые они обозначают и без которых они — ничто. «Названия вещей не следует учить отдельно от вещей, ибо вещи не существуют и не познаются отдельно, но в зависимости от того, как они соединены, существуют тут и там, производят то или иное»². Итак, новички в латыни должны заучивать не ряды не связанных между собой слов, как делалось до сих пор, но предложения и фразы³, а слова в процессе обучения должны не отделяться от вещей, а преподаваться в связи с вещами. Согласно методу Коменского, обучение должно быть направлено не на части языка, но на весь язык в целом, не на голый язык, но и на вещи, которые обозначаются словами, не на разрозненные и не связанные между собой вещи, но на последовательный ряд вещей, чтобы одни зависели от других и все казались упорядоченными и связанными между собой, — на целостность и совокупность вещей. Способ обучения языкам Коменского являлся не формальным, как говорят в наше время, но реальным, так как он обращен, прежде всего, на вещи: вещи стоят на первом месте, слова — на втором. Подтверждением этого факта является «Открытая дверь к языкам», напи-

¹ Предисловие к «Двери» 1631 г. ODO I. p. 251.

² Didact. XXII. 4 — ODO I. p. 127.

³ Этому правилу Коменский следует также в первой редакции «Преддверия», изданной в 1633 г., где материал подается в небольших фразах. Но в поздней редакции, вышедшей в Лешно в 1649 г., он от него отказался и в «Новейшем методе изучения языков» отверг принцип, высказанный ранее в предисловии к «Двери»: «Мы ошибались, пытаясь начинать первоосновы языка со связанных слов и фраз; я удивляюсь теперь сам себе, как мы могли предаваться таким фантазиям в этом деле» (Meth. 1. p. XIV. 7 — ODO II. p. 175). Если мы посмотрим на законы, установленные в «Новейшем методе изучения языков», то станет ясно, что Коменский поступил соответствующим образом, но вот преуспел ли он, предложив «новичкам в латыни» новую систему обучения, — это вызывает сомнения.

санная по-чешски и вышедшая в свет в 1633 г.: она излагала первоосновы не столько языка, сколько вещей, и Коменский написал ее, чтобы ученики не только изучали родной язык, но и умели ясно видеть и правильно понимать вещи, с которыми встречаются в повседневной жизни.

Коменскому, когда он усвоил эти принципы, пришло в голову написать в 1628 г. новую книгу для изучения латинского языка. «Когда я обнаружил благодаря основам дидактики, — пишет он спустя много лет в «Новейшем методе изучения языков»¹, — что имеется некая сходная система имен и вещей и нет ничего лучше, чем изучать их параллельно, я решил написать книгу, которая разобрала бы по порядку все вещи, свойства вещей, процессы и явления, снабдила бы их все собственными наименованиями, полагая таким образом возможным последовательно рассмотреть в одной книге всю совокупность вещей — и все строение языка обратить в одно неразрывное целое». Когда он занимался этими делами, ему в руки попала ирландская «Дверь к языкам», написанная испанскими иезуитами, наполнив его душу великой радостью; он полагал, что ирландские отцы нашли наконец тот правильный и долгожданный метод обучения, который избавит учеников от всех мучений². Когда же он перечитал сочинение несколько раз, то понял, что это — не то, о чем он думал. Ибо

некоторой части слов, которые требуются в повседневном обиходе, там не было, и, напротив, были использованы многие необычные и устаревшие слова; материал, хотя и подавался в виде фраз, а не в виде разрозненных слов, но при этом беспорядочно и случайно, без метода и системы, что противоречило его правилам, о которых мы упомянули выше. По этой причине он решил написать новую, по-настоящему открытую «Дверь» (ибо надеялся, что содержание языков будет тогда более ясным, чем у ирландских отцов³), которая удовлетворяла бы всем постулатам его метода, и издал ее в начале марта 1631 г. в Лешно, «чтобы узнать, по крайней мере, мнения по поводу нее»⁴.

II.

Первое издание «Двери к языкам» являлось, как мы уже говорили, небольшой книгой маленького формата (15,5 x 9,5), насчитывавшей всего 116 страниц, первые шестнадцать из которых не были пронумерованы. На первой странице мы читаем название сочинения, тогда как имя автора опущено, в середине страницы видим весьма красивый орнамент, а затем следует тот дистих Георгия Вехнера, который перекочевал также в большинство позднейших изданий «Двери». Место и год издания отсутствуют. На обороте между двумя полями, состоящими из мелких орна-

¹ VIII. 21 – ODO II. p. 82 sq.

² Предисловие к «Двери». – ODO I. p. 252 sq.; Meth. I. n. VIII. 21 – ODO II. p. 81 sq.; ibid. XXVII. 12 – ODO II. p. 270 sq.

³ Meth. I. n. VIII. 22 – ODO II. p. 83 sq.

⁴ Ibid. VIII. 22 – ODO II. p. 83.

ментов, которые украшают верхнюю и нижнюю часть страницы, помещены цитаты из Сенеки (Письма, 38, 1 и сл.), Фрэнсиса Бэкона (предисловие к «Новому Органону») и Екклезиаста (32, 10), которые встречаются также в первых данцигских изданиях. Тринадцать следующих страниц содержат предисловие к образованным читателям; последняя из них вновь украшена орнаментом — аналогичным тому, что отпечатан на первой странице; на четырнадцатой странице, также снабженной двумя полями, мы видим прославляющий Коменского стих того же Георгия Вехнера, который повторяется и в первых данцигских изданиях и в бременском издании 1634 г. Затем на 99 пронумерованных страницах следует текст «Двери»; на сотой странице указаны типографские опечатки. Все сочинение разделено на 100 глав и 1000 параграфов, и это деление сохранялось не только Коменским, но и другими, более поздними издателями, за исключением Иоанна Анкорана и Иоанна Монтана, которые увеличили число параграфов: Монтан — до 1010, Анкоран — до 1058, и добавили, сверх того, к пронумерованным параграфам вступление и заключение. Первоначальный текст «Двери» в этом неизменном виде был, насколько нам известно, впоследствии издан только один раз — в 1634 г. в бременской типографии Бертольда Виллериана¹. Весьма ученые мужи, исследовавшие

труды Коменского, ошибаются, полагая, что Коменский включил этот первоначальный лешненский текст в первую часть сборника ОДО, и об этом заблуждении мы в своем месте многое скажем. Мы не знаем, сколько экземпляров было тогда издано, но определенно можем считать, что их было немного; ведь Коменский предназначал это издание не для нужд школяров, но для того, чтобы узнать мнение ученых мужей. Уже в те времена первое издание «Двери» было очень редкой книгой; и единственный, как полагали совсем недавно, экземпляр, который хранился в городской библиотеке Циттау², ныне, по-видимому, утрачен. Но благодаря счастливой случайности мы отыскали два других экземпляра: один — в Дрезденской земельной библиотеке (им нам весьма любезно дали возможность воспользоваться), второй — в библиотеке Вроцлавского университета, фотокопии которого (в виде микрофильма) — причем не только первого лешненского издания «Двери», но и второго лешненского, олесницкого, шарошпатакского и данцигского — с большой готовностью и благожелательностью сделал для нас и выслал нам профессор Варшавского университета д-р Лукаш Курдыбаха, за что мы выражаем ему здесь искреннюю благодарность как человеку, оказавшему большую помощь в подготовке нашего издания.

¹ Второе бременское издание Виллериана от 1641 г. содержит уже переделанный Коменским данцигский текст 1633 г., как мы упомянем в своем месте.

² J. V. Novák, J. Hendrich, J. A. Komenský. Jeho život a spisy. Praha 1932. p. 691.

Описав таким образом внешний вид первоначальной «Двери к языкам», ознакомимся теперь с предметом книги и способом подачи материала. Нет сомнений, что Коменский хотел развить в этой книге свои правила искусства обучения, которые тогда уже сформулировал, но не в меньшей степени желал помочь пребывавшим в заблуждении школам того времени, указав им торные пути и способы избежать трудностей. Он полагал, что главное их заблуждение состоит в том, что они занимаются изучением одного лишь языка, совершенно пренебрегая вещами, которые обозначаются словами. По мнению же Коменского, слова без вещей — ничто; они — то же, что скорлупа без ядра, ножны без меча, тень без тела, тело без души¹, и от простого знания языка нет никакой пользы: «Ребенок может прочесть миллион слов, но, если он не умеет связать их с вещами, то какую пользу принесет такая подготовка?»². Ведь образование заключается не в знании слов, но в знании вещей, и язык ученики учат не как часть образования или мудрости, но как средство, чтобы черпать мудрость и общаться с другими³. По этой причине слова следует изучать в соединении с вещами — точно так же, как вино продают, покупают и перевозят вместе с бочкой, меч — с ножнами, дерево — с корой, плод — с кожурой⁴, и изучение языка должно идти параллельно с изучением вещей⁵.

Этому принципу, установленному уже ранее, — ибо в написанной по-чешски «Дидактике» уже содержатся почти все эти положения, — Коменский следовал при написании «Двери к языкам», заботясь о том, чтобы ученики приобретали не только знание языка, но и знание вещей. И так, «Дверь к языкам» Коменского направлена не только на изучение языка, но главным образом на познание вещей, доказательством чего является та написанная по-чешски «Дверь», о которой мы упоминали выше. Познание вещей поставлено выше знания слов.

Искусство обучения Коменского направлено не только на вещи, но и на целое, так как Коменский, как мы говорили выше, заявлял, что истинное познание состоит не в познании частей, разрозненных и разобщенных вещей, но в познании всего целого, и только на основании целого можно правильно познать части. Этому методу, принципы и основания которого мы подробнее изложим в соответствующем месте, Коменский следовал также в «Двери к языкам» как придавая ей форму, так и в отборе и расположении материала.

Что касается формы, то материал, как мы уже упоминали выше, подается в изречениях, так как вещи, образами которых являются слова, не существуют и не познаются отдельно, но всегда и во всем пребывают в связи, существуют тут и там, производят

¹ *Dissertatio ad Vratislavienses* § 22 — ODO I. p. 350.

² Предисловие к «Двери» — ODO I. p. 251.

³ *Didact.* XXII. 1 — ODO I. p. 127.

⁴ *Ibid.* XIX. 45 — ODO I. p. 110.

⁵ *Ibid.* XXII. 3 — ODO I. p. 127.

то или иное¹; поначалу эти изречения весьма кратки и просты, а затем к ним прибавляются более длинные и сложные, чтобы ученики не сразу, но постепенно и плавно понимали строение латинского языка. Итак, мы находим здесь не отдельные и разрозненные слова, как в большинстве написанных и изданных в те времена книг для обучения латинскому языку, но фразы и предложения, всю грамматику и логику.

Если мы исследуем материал, который содержится в «Двери к языкам», и рассмотрим, каким образом Коменский его выбирал, делил и выстраивал, то придем к любопытным выводам. Весь материал, как мы уже говорили выше, разделен на тысячу изречений и фраз, которые, однако, не являются, так сказать, хорошо сказанными, или поговорками, или нравственными изречениями, как по большей части это имеет место быть в «Двери» ирландских отцов, метод которых — дабы любое слово не появлялось в тексте повторно — Коменский сохранил, но каждая из фраз дает и объясняет ученику что-то действительно существующее. Вещи же, о которых сообщается во фразах, подаются не случайно и разрозненно, но слаженно и приведены в строгий порядок, так что отдельные главы охватывают вещи своего рода и вся книга описывает образ всего мира. Таким образом, ученики из «Двери» Коменского получают знание о вещах не обрывочно и по частям, как при той системе

обучения, которая применялась тогда в иезуитских школах и при которой юношей обучали предметам разным и встречающимся без всякого порядка, — здесь вся совокупность вещей соответствует некоему кругу, содержащему в определенном порядке все, что есть и существует во всем круге земном. Поэтому Коменский и ввел в «Двери» метод обучения, который называется циклическим, которому он следует затем и в «Материнской школе», и в «Преддверии» — знание не только некоторых, но всех вещей всегда передается по кругам, и эти круги постепенно расширяются, давая детям более старшего возраста более полное и подробное знание о вещах², — собираясь дать своим воспитанникам истинное и полное знание о вещах, какого им не доводилось получить в большинстве школ того времени. Под ними Коменский, очевидно, подразумевал прежде всего те иезуитские школы, о системе обучения которых мы упоминали выше и в которых, как он ставит им в вину уже в написанной по-чешски «Дидактике»³, науки и искусства преподавались не то что не вполне энциклопедически, но, как он говорит, отрывочно. «Потому и получается, — продолжает он, — что они лежат пред взором учащихся, как кучи дров и хвороста, но кто обращает внимание на то, каким образом они соединены? Отсюда выходит, что один ухватывает одно, другой — другое, но обучение каждого отнюдь не является всеобщим и основательным». Итак,

¹ Ср. Didact. XXII. 4 – ODO I. p. 127.

² См. предисловие к шарошпатакскому «Преддверию» в: ODO III. p. 136. Ср. также: ODO III. p. 21, 37, 38.

³ XIX. 4 – VSJAK IV. p. 264. Ср. Didact. XIX. 6 – ODO I. p. 100.

«Дверь к языкам» должна была давать энциклопедическое образование и являться некой энциклопедией вещей, как впоследствии совершенно четко говорит сам Коменский¹.

В те времена вошло, так сказать, в обычай писать энциклопедии — книги, в которых содержится знание обо всех вещах. Многие ученые мужи трудились над их написанием и старались собирать и выстраивать в определенном порядке все, что было известно о явлениях природы. Эти научные занятия увлекли и Коменского, причем уже тогда, когда он жил в Херборне и занимался там науками и образованием, тем более что в число мужей, погруженных в это дело, входил и Иоганн Генрих Альстедт, его самый любимый учитель в Херборнской академии. По этой причине он уже тогда принял решение написать энциклопедию — собираясь писать ее на чешском языке — и тут же сделал выписки из разных книг, приготовив черновые наброски. Так родилась книга под названием «Театр всех вещей», записание которой Коменский взялся, вернувшись на родину, и от которой до нас дошел в рукописном кодексе лишь один фрагмент, найденный в 1893 г. в Голешове в Моравии². Когда спустя несколько лет он взялся за написание «Двери», из которой ученики, как мы говорили, должны были черпать прежде всего знания о вещах, он решил рассмотреть там не только кое-какие избранные вещи и некоторые стороны мира или человеческих трудов, но и

описать хотя и в сжатом, но цельном виде всю совокупность вещей и таким образом создать уменьшенную энциклопедию.

Принцип энциклопедии Коменский понимал совсем не так, как прочие авторы того времени, чьи труды, пусть добротные и обстоятельные, не соответствовали, однако, его намерению и планам. Когда спустя много лет он работал над идеей пансофии и перечитал их книги — как те, что были ему известны ранее, так и те, которые позже попали к нему в руки, — то высказал в их адрес ряд упреков, так как везде находил лишь собранный в кучу материал, но не обнаруживал никакой идеи, связывающей предметы и дисциплины между собой и объединяющей части с целым. «Я утверждаю, — жалуется он в «Предвестнике всеобщей мудрости (пансофии)»³, — что в книгах, которые мне довелось видеть, я до сих пор не увидел ничего, в достаточной мере отвечающего величю вещей, ничего, что исчерпывало бы всю их совокупность... И, тем более, я не видел, чтобы весь аппарат человеческого ума был так выстроен на основании своих твердых и неизблемых принципов и на вечной истине, чтобы все — от первого до последнего — было связано между собой без всякого нарушения непрерывности истины. Ведь до сих пор еще никто, пожалуй, не сделал того, чтобы, установив и взаимно уравновесив во всех отношениях всеобщие принципы вещей, он со всех сторон окружил бы

¹ Meth. I. n. XIV. 3 — ODO II. p. 182.

² Только недавно опубликованный в: VSJAK I. p. 55–129.

³ § 26 — ODO I. p. 415 sq.

растекающееся многообразие вещей определенными границами разумных оснований, и тогда благодаря всеобщей и соразмеренной между всеми вещами гармонии сама собой открылась бы скрытая и все же неизменная и непобедимая истина вещей. До сих пор, говорю я, никто, по-видимому, еще не доискался до того, чтобы посредством самых всеобщих принципов познания и способов правильного выведения следствий вплоть до последних заключений открыть некий всеобщий путь для познания истины вещей...». О том, почему ученые мужи не смогли добраться до совокупности вещей, почему не смогли обрести желанную гармонию, Коменский говорит в другом месте: «Что касается объекта мудрости, то образованные мужи до сих пор обычно договаривались между собой о том, что один берет себе философию, другой — теософию или теологию, третий — медицину, четвертый — право, пренебрегая заботой о прочем и интересами всеобщей истины. Более того, один выбирает и холит одну часть этой философии, другой — другую, в то время как с прочим не знаком даже поверхностно. Потому и выходит, что наука по большей части разделена на столько частей, более того, частиц, что еще хуже. Ведь каждый занимается своей частью, которые не соединяются вместе в целое, и те, кто не понимает, каким образом проявляется истина, неделимая в своей основе, создают свои собственные школы»¹. По этой причине, как гово-

рит Коменский, дисциплины не должны разрываться, и части не должны рассматриваться без учета их связи в рамках всего целого. «Мы заявляем, — говорит он², — что ум не может полностью познать ни порядка вещей, ни связи, ни истины вещей иначе, как только на основании всего комплекса вещей. Кто погружен во что-то одно или во что-то немногое, тот, конечно, не понимает порядка вещей, не видит, каким образом все взаимосвязано. Не постигает всей истины вещей тот, кто не следит за тем, как бы ей, рассеянной по всему, стать подобной себе. Поэтому мы призываем взять весь круг вещей и человеческого знания и через соразмерное соотношение всего ко всему увидеть сердцевину и суть первоначал, дабы прекрасный образ истины явился пред нашим взором в отвлеченных формах, и она, таким образом, легко дала бы возможность познать себя также и конкретно, а именно там, где она претворяется в вещи». То, чего Коменский ожидал от истинной и правильно выстроенной энциклопедии, по какому плану он хотел ее писать и какой идее подчинить, видно из следующего места «Предвестника»³: «Энциклопедии, которые я до сих пор видел, даже самые замечательные, выглядят больше похожими на цепь, искусно сложенную из многих звеньев, чем на мастерски составленный из колесиков автомат, самостоятельно приводящийся в движение; больше похожими на кучу дров, уложенную с большой заботой и

¹ Diluc. § 12 – ODO I. p. 467.

² Ibid. 13 – ODO I. p. 467.

³ § 39 – ODO I. p. 351.

в правильном порядке, чем на дерево, растущее из собственных корней, развивающееся силой природного духа в ветви и листья и приносящее плоды. Мы же жаждем живых корней наук и искусств, живого дерева, живых плодов». В другом месте¹ Коменский также отстаивает это положение: «Разве мы не видим, что ветви дерева не могут жить, если не тянут все разом сок из общего ствола общими корнями? И разве можно надеяться на то, что ветви мудрости удастся оторвать друг от друга, сохранив их жизнь, то есть истину?».

К какому же выводу мы приходим на основании вышеупомянутых слов Коменского? Полной и совершенной энциклопедии не подобает лишь сносить и складывать в кучу вещи и дисциплины, пренебрегая общей для них всех идей. С ними надлежит обращаться не как с кучей дров, хотя бы и уложенной с большой заботой и в правильном порядке, но как с живыми ветвями живого дерева, возникшего и растущего из собственных корней, и, как дерево растет из своего корня, так и они имеют силу и происхождение из одной общей основы, которая и является истиной, ибо части сами по себе — ничто, и не имеют ни силы, ни правильного смысла, если не связаны с целым и не вытекают из целого. Итак, энциклопедизм следует понимать не механически, как говорят в наши времена, но органически, и мы покажем, что этим методом Коменский пользовался также в своей малой, как он ее называет, энциклопедии, то есть в

«Двери к языкам».

Но прежде чем мы перейдем к этой «Двери», следует выяснить, каким образом автор пришел к этому методу и по какой причине воспользовался образом дерева. Ответ содержится в философии Коменского, главных положений которой здесь только и следует коснуться.

В пору юности Коменского в академиях везде преподавали перипатетико-схоластическую философию, возобновленную и развитую научными трудами метафизиков XVI и XVII вв., но не многие ученые мужи принимали ее и одобряли, ведь они считали ее устаревшей и недостаточной для решения вопросов того времени. Тогда же возникла новая философия, которая восходила к положениям и правилам эпохи Возрождения. Авторы историй философии поступают неправильно, считая основателем и создателем новейшей философии одного лишь Декарта. Ведь умы ученых мужей в те времена занимали два метода философствования, которые касаются познания и являются первоисточниками новейшей философии: один из них — философия Декарта — был распространен главным образом в Западной Европе, другой — новая Академия (Плотиниана) — появился в более позднее время и был принят в Центральной Европе; поскольку им занимались главным образом немецкие философы, мы называем его германским пантеизмом. Философия Декарта возникла на основе теорий и положений некоторых философов

¹ Prodomus 26 – ODO I. p. 415.

конца средневековья, которые занимались исследованием явлений природы, как-то: Роджер Бэкон, Николай из Отрекура, Жан Буридан и другие, а также обновленного атомизма Демокрита и Эпикура, и создала так называемое математико-механистическое понимание природы и взгляд на нее, на которых основывалась философия эпохи Просвещения, освещающей все разумом. Эта философия считает, — часто используя при этом образ часов, — что мир — это некое механическое устройство, всякий раз распадающееся на мельчайшие частицы, атомы, а затем вновь воссоздающееся из них; она полагает совокупность вещей не чем иным, как грудой частей, приводимой в порядок и управляемой одним законом причинности, и считает методом познания исключительно опыт и практику. Германский пантеизм, возникнув из средневекового неоплатонизма, а именно, из трудов многочисленных мистиков того времени, прежде всего, из толкований святого Августина, на рубеже нового времени благодаря славнейшим дарованиям Николая Кузанского и Майстера Экхарта почти достиг своей вершины, а затем, развиваясь и расцветая в учениях и принципах Парацельса, наконец, дошел до завершения в философии Якоба Беме, и мы небезосновательно видим в нем в те времена начало и первопричину теорий и школ великих немецких философов XIX в. Для философов, которые в понимании и созерцании природы следуют германскому пантеизму, совокупность вещей не является всего лишь грудой частей,

но целое связано и соединено самой своей природой, устроено ради некоей цели в определенном первоначальном порядке, в котором всякая частица по-своему нужна для совершенства сущности всякой вещи, по-своему соответствуя прочим частям и самому универсуму, так что целое, как говорят в наши времена, органично. Итак, этот метод философствования представляет собой органический взгляд на вещи и небезосновательно предлагает рассматривать трактуемый таким образом универсум в виде дерева. Как на дереве разные, на первый взгляд, части, как-то: ствол, ветви, листья и плоды растут связанные воедино не механически, а органически, вещи разные и противоположные, которые, как кажется, существуют в виде частей, но соединяются в одно целое дерево и все стремятся к одной общей цели, образуя гармонию всего дерева, — так и мир следует понимать как огромный организм, части которого, сами организмы, не только органически связанные между собой, но и находящиеся в теснейшей и постоянной связи со всем миром, образуют согласие и единство всего универсума, эту пангармонию. Место человека, совершеннейшего среди частей мира организма, так сказать, квинтэссенции вещей, в которой содержатся все элементы мира, находится между небом и землей, и поэтому он, как истинный образ макрокосма, зовется микрокосмом, и все, что есть в мире, возможно правильно понять и усвоить умом внутри при помощи некоей внутренней силы. Итак, мир — не такой, как у картезианцев, у которых

он распадается на ряд отдельных атомов и вновь из них складывается, так как целое никогда не образуется из простой и чистой груды частей, если к этому не добавляется идея всего универсума. Потому и закон причинности недостаточен для объяснения совокупности вещей, ибо следует учитывать не причины, но цель вещей, и исследовать ее не с внешней стороны, но изнутри.

Изожив все это, мы полагаем, что теперь ясно, какому из методов философствования своего времени следовал Коменский, и видим, откуда он взял свое понимание энциклопедии. Коменский, по-видимому, пришел в Херборн, не будучи еще увлечен какой-либо философией. Здесь ему открылись источники перипатетико-схоластической философии, учение которой он так хорошо усвоил. Он настолько воспринял ее устойчивые обороты, что и впоследствии излагал свои положения, используя именно их, даже если его мысли во многом расходились с учением перипатетиков. Сам аристотелизм удовлетворял его, кажется, не больше, чем многих других, почему он и искал другие пути познания вещей. По-видимому, уже в те времена он познакомился с некоторыми трудами германских мистиков, из которых на первом месте следует упомянуть Валентина Вайгеля, и едва ли стоит сомневаться в том, что в его руки попали также некоторые сочинения Николая Кузанского¹.

Они показали ему новый метод философствования, следуя которому он написал в 1625 г. книгу под названием «Средоточие обеспеченности» (*Centrum securitatis*), где мы находим уже положения, из которых не только вытекает идея энциклопедии и способ написания «Двери», но которые также наполнили его душу идеей пансофии (всеобщей мудрости).

Нам же следует ограничиться теми, которые имеют отношение к изучению «Двери». То, что Коменский считал, что мир — это организм, ясно следует из эпилога к «Обзору физики»: «Таким образом, мы видим, что сотворенный мир — это чистая гармония. Все от одного, все к одному, первые и последние, высшие и низшие теснейшим образом связаны постоянными взаимными и нерасторжимыми связями, так что состоящий из миллиона частей и частиц мир является все же единым и неделимым в себе»². По этой причине, если совокупность вещей в «Двери к языкам», которую Коменский, как мы говорили выше, хотел сделать некой энциклопедией, была правильно описана, то на что еще, как не на дерево, она должна была походить больше всего? Более того, по мнению Коменского, вместе с ней и мир следует рассматривать и понимать, как дерево. Так, мы видим, что мир сравнивается им с деревом уже в «Средоточии обеспеченности», завершенном Коменским за три года до того, как он впервые взялся за

¹ См. здесь, прежде всего, две работы, написанные Й. Паточкой (J. Patočka): *Dvojí filosofování J. A. Komenského – Theologická příručka Křesťanské revue 1953 (příloha k č. 8 a 10)*; *Mezihra na prahu moderní vědy: Cusanus a Komenský – Vesmír XXXII, 1953.*

² VSJAK I. p. 294.

«Дверь»: «Как видимое дерево растет из невидимой основы, то есть из корня, так и видимый мир имеет свое основание в невидимом Боге, от которого он, вероятно, ведет свое происхождение точно так же, как дерево от корня. От этого основания он получает свою силу, пищу, природу и свойства; корнями мира являются сила, мудрость и доброта Бога»¹. Развивая свой образ, который напоминает сравнение, использованное Якобом Беме в первой главе «Авроры» («древо мира», *Quellbaum der Welt*), чуть ниже он продолжает: «Бог деятельно влияет на мир не непосредственно, но через сотворенные им вещи, опять-таки как дерево. Влага, которую получают плоды, истекает из корня, тогда как ствол, ветви, черенки осуществляют свое посредничество»². Итак, понимание мира Коменским, которое мы назвали органическим, весьма очевидно, и то, что он таким образом считает человека микрокосмом, видно из некоторых мест³, из которых следует привести по крайней мере одно из написанной по-чешски «Дидактики»: «Философы называют человека микрокосмом, малым миром⁴, ибо он в скрытом виде объемлет все, что, по видимому, разлито по всему макрокосму... Итак, ум человека, вступающего в мир, можно весьма удачно сравнить с семенем или ядром, в котором хотя в действительности и не существует на-

ружной формы растения или дерева, но растение или дерево на самом деле в нем есть... Итак, ничего не нужно вносить в человека извне, и лишь то, что он имеет в себе самом в скрытом виде, только и должно развиваться, раскрываться и точно определяться тем, что оно есть»⁵. Значит, тот, кто учится, ничего не берет извне, но лишь раскрывает то, что скрыто в нем, как в микрокосме. Из этого проистекает и построение «Двери». Если макрокосм и микрокосм — организмы, в которых части органически взаимосвязаны, то и книга, относящаяся к обучению, которым надлежит как бы пробуждать и раскрывать то, что органически находится внутри, должна быть составлена органическим образом, дабы соответствовать форме этой совокупности вещей, то есть макрокосму и микрокосму. То, что Коменский действительно стремился к этому, мы прекрасно видим по расположению материала в «Двери». Оно таково:

I. Бог — гл. 2.

II. Природа:

1. Основания природы (первые элементы, твердь, огонь, метеоры, вода, земля) — гл. 3—8.

2. Камни и металлы — гл. 9—10.

3. Растения (деревья и их плоды, травы, кустарники) — гл. 11—13.

4. Животные (птицы, водные животные, домашний скот, дикие зве-

¹ Centrum sec. I. 1 — VSJAK XV. p. 393.

² Ibid. p. 395.

³ Phys. XI. 22 — VSJAK I. p. 286 sq.; Didact. XX. 11 — ODO I. p. 117, Ianua Patakina § 215, Atrium § 215, 653.

⁴ Дословно: «эпитомой универсума». — *Прим. пер.*

⁵ V. 2 — VSJAK IV. p. 76. Ср.: Didact. V. 5 — ODO I. p. 27.

ри, амфибии и рептилии, насекомые) — гл. 14–19.

III. Человек как часть природы — гл. 20:

1. Части человеческого тела (внешние и внутренние органы, телесные дефекты, недуги, язвы, раны) — гл. 21–25.

2. Духовный мир человека (внешние и внутренние чувства, ум, воля, страсть) — гл. 26–29.

IV. Человеческие труды, которые называются механическими — гл. 30:

1. Труды, относящиеся к поддержанию человеческой жизни (садоводство, земледелие, производство муки, хлебопечение, скотоводство, производство мяса, охота, рыболовство, ловля птиц, приготовление пищи, приготовление напитков, состязания, мореходство, путешествия, торговля, изготовление одежды, виды одежды, ремесла) — гл. 31–48.

2. Человеческие жилища (дом и его части, теплые комнаты, столовая, спальня, баня) — гл. 49–53.

V. Человеческое общество:

1. Семья (брак и родство, рождение, формы родства, домоводство) — гл. 54–57.

2. Установления человеческого общества (город, храм, церковь, двор,

суды, преступления и наказания, королевское звание, государство и страна, мир и война) — гл. 58–67.

VI. Духовный мир:

1. Школа и образование, музей — гл. 68–69.

2. Науки (грамматика, диалектика, риторика и поэзия, арифметика, геометрия, меры и веса, оптика и живопись, музыка, астрономия, география, история, медицина) — гл. 70–81.

VII. Нравственность:

1. Этика — гл. 82.

2. Отдельные добродетели (мудрость, умеренность, целомудрие, скромность, самодостаточность, справедливость, храбрость, терпение, стойкость, дружба и человечность, искренность) — гл. 83–94.

VIII. Дополнения:

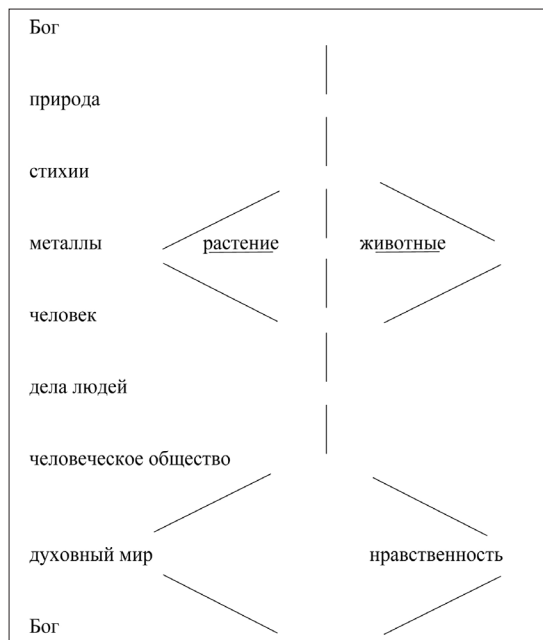
1. Просвещенный образ жизни — гл. 95.

2. Игры — гл. 96.

IX. Смерть и погребение — гл. 97.

X. Бог (промысел Божий, ангелы) — гл. 98–99.

Весь материал «Двери», если представить его в целом, образует такую схему:

Если мы посмотрим на материал первоначальной «Двери к языкам», ее части и их расположение, то увидим, что Коменский стремился охватить здесь содержание всей вселенной и составить некую малую энциклопедию органически связанных вещей. Внимательно перечитав ее, и правда, можно сказать, что ему, вне всякого сомнения, удалось написать выдающуюся книгу для изучения языка и обучения ему, — подтверждением тому являются многочисленные одобренные отзывы ученых мужей,

— но, глядя на поданный там материал и способ его подачи, мы с не меньшей ясностью понимаем, почему он не был доволен своим трудом. Хотя форма его была для изучения языка весьма удобна, но ему все же многого не хватало для органического познания вещей и их совокупности. Поэтому, едва сочинение вышло в свет, как Коменский уже стал думать над тем, как бы его переделать. Но это уже относится к истории «Двери к языкам», которую мы и намерены изложить в следующей главе.